

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В СИБИРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л.И. Сосковец

(Томский государственный университет)

Крупные геополитические пространства всегда обречены находиться на стыке многих природно-климатических, экологических, культурно-цивилизационных, этнолингвистических, конфессиональных процессов и явлений. Ярким примером этому может служить российская цивилизация, вся история которой представляет собой вечную попытку упорядочить, сцементировать в нечто монолитное эти разнообразные людские потоки.

В свою очередь во внутрироссийском геополитическом поле прекрасной иллюстрацией многообразия и неоднозначности историко-культурного развития является Сибирь, которая, как крупнейший регион России, наиболее полно отражает такую черту ее цивилизованности как поликонфессиональность.

Религиозная карта Сибири заполнялась постепенно на протяжении длительного времени, при этом одни конфессии могли как бы «накрывать» другие или теснить, или просто соседствовать. Так, языческая культура, характерная для автохтонных народов Сибири на ранних этапах их развития, у одних из них сменилась исламской как результат золотоордынского влияния. С приходом за Урал русских началась христианизация местного населения. Процесс этот был сложным и многомерным. Проникновение идей православия в местную этнокультурную среду осуществлялось в результате целенаправленной деятельности государственно-церковных органов и путем распространения вместе с русскими переселенцами и русской культуры. Набор методов, с помощью которых российское государство решало задачу христианизации и православизации, был широк: средства религиозного убеждения, материального стимулирования, а также угрозы и наказания, крайние формы религиозной нетерпимости¹.

По мере заселения Сибири русскими христианство в его православной форме превращается здесь в самую крупную конфессию. Со времени раскола Сибирь становится одним из тех мест, куда на жительство отправлялись, скрываясь от царского гонения, противники официальной патриаршей церкви. Собственно, первые страдальцы за «истинную» веру оказались за Уралом уже в 1665 г. В 1730 г. специально для ссыльных раскольников в Туруханском монастыре была создана тюрьма, где сидели колодники-старообрядцы².

С XVII в. старообрядческие поселения являются обязательным элементом культурно-религиозного ландшафта региона. Гонимые законом приверженцы староверия уходили от преследования в глухие рай-

оны тайги, в том числе и томской, и становились первопроходцами и первоосваивателями многих уголков Сибири. Специфика старообрядческого присутствия в Сибири была существенной. Во-первых, здесь расселялись представители его самых различных направлений и толков, тем самым, усложняя религиозную картину. Во-вторых, пришлые старообрядцы подпитывали религиозную веру русских старожилов Сибири, многие из которых придерживались заветов дониконианской православной церкви. В-третьих, Сибирь, тем самым становилась местом, где поддерживался и даже консервировался на многие десятилетия вперед средневековый уклад жизни: хозяйственно-бытовой, общинно-личностный и культурно-духовный.

Православная составляющая религиозной жизни Сибири не ограничивалась только никонианами и раскольниками-староверами. Она пополнялась ссылаемыми сюда представителями русского сектантства. Уже в начале XVIII века на территории региона начали появляться группы хлыстовствующих. В 1826-1827 гг. царские власти сослали в Иркутскую губернию около 30 тысяч молокан. Правда, численность и тех, и других всегда была не так значительна, как в других местах их обитания. К началу XX столетия молокане, например, проживали в Омском, Минусинском, Славгородском, Рубцовском округах и Иркутской губернии. Количество их определялась в две с лишним тысячи верующих. Последователи хлыстовства, насчитывавшие всего чуть более сотни членов, располагались в Омском и Рубцовском округах. Из других сект, возникших в свое время на почве русского православия, в Сибири встречались в небольшом представительстве скопцы, ионниаты и некоторые другие³.

Известно, что значительную роль в формировании конфессиональной картины Сибири сыграла крестьянская колонизация. И если в XVII-XVIII веках сюда прибывало в основном русское земледельческое население, а, следовательно, православное, то с XIX века земледельческие колонизационные потоки усложнились. Прибывавшие из европейской части страны земледельцы были по своему вероисповеданию не только православными. Нередко неправославные верующие-крестьяне ехали за Урал не только из-за малоземелья, но и по причине преследования их конфессии. А преследование, как известно, испытывали практически все. Нельзя думать, что на местах нового обитания они не подвергались дискриминации, но, тем не менее, ситуация в Сибири была несколько полегче. Географическая отдаленность региона от центра, экономическая отсталость, политическая и культурная слабость, сложные климатические условия, неустроенность быта, менее сильное, чем в европейской части, влияние Русской православной церкви, да и, собственно, колонизаторская политика властей, все это в определенной степени

смягчало положение тех религиозных организаций, которые официальная церковь относила к сектантским.

Переселенческое движение в Сибирь, начиная со времен ее «открытия», включало в себя не только русское население, а после реформы 1861 г. нерусские губернии России даже дали большой поток переселенцев. Сюда ехали украинцы, белорусы, население Поволжья. С 60-х годов XIX в. потянулось в Сибирь крестьянство из Прибалтики, немцы южных областей Российской империи. Первыми из протестантских исповедников в Сибирь прибыли немцы-меннониты, которых некоторые исследователи относят к особой этноконфессиональной общности⁴. Вообще, немецкие переселенцы приносили особую конфессиональную пестроту. Помимо меннонизма, они исповедовали баптизм, католицизм, лютеранство. Так, в Томской губернии немцами-лютеранами и католиками были заселены участки Подсосновской и Новоромановской волостей, немцами-меннонитами – Орловская волость Барнаульского уезда. К 1915 г. В Барнаульском, Змеиногорском, Канском уездах губернии образовалось 112 немецких поселков. Компактное немецкое поселение сформировалось также на территории Омского уезда Акмолинской области и в Тарском, Тюкалинском, Ишимском уездах Тобольской губернии⁵.

С началом XX в. в Сибири увеличилась численность выходцев из Прибалтики. Большинство из переселившихся в Томскую губернию латышей составляла этническая группа латгальцев, исповедовавших католицизм, в отличие от латышей-лютеран. Эстонцы, которые создавали свои поселения в Томской и Тобольской губерниях, преимущественно были лютеранами, а вот среди литовцев преобладали католики⁶.

Переселенческие земледельческие потоки отнюдь не исчерпывали всех мигрантов в Сибирь. Например, в годы первой мировой войны их основную массу составили беженцы из приграничных западных районов империи, в том числе и поляки. При этом не все беженцы ремигрировали после завершения войны, а пополнили местные этнические диаспоры.

С первых веков освоения Сибири значительную роль в этом процессе, помимо добровольных переселений, играли насильственные перемещения сюда больших массивов людей. Речь идет о ссылке, которой во всех ее вариантах – уголовная, политическая, административная – придавалось не только карательное, но и колонизационное значение. Вместе с тем, ссылка являлась важнейшим фактором формирования этнодисперсных групп в составе населения региона и, следовательно, его конфессиональной составляющей. Массовый характер, например, носила польская ссылка, что было обусловлено спецификой пребывания польских территорий в составе империи. Только после знаменитого

польского восстания 1863-1864 гг. в Сибирь было отправлено 18,5 тысяч поляков, многие из которых остались здесь даже после официального разрешения на возвращение домой в 1883 году⁷.

В Сибири было немало поселений, основанных сосланными эстонцами, латышами и даже финнами. С 90-х годов XIX в. растет число ссыльных за участие в социал-демократическом движении. После революции 1905 г. число политссыльных увеличилось, а среди них, в свою очередь, свыше 50% составляли представители нерусских национальностей: евреи, латыши, поляки, украинцы. Массовый характер носила и административная ссылка нерусского, соответственно неправославного населения из районов прифронтовой полосы в годы первой мировой войны, подозреваемых или обвиненных в пронемецких настроениях и действиях.

Таким образом, политическая и уголовная ссылка, переселение земледельцев и другие причины для миграции привели к разнообразному этнонациональному составу населения Сибири, что обеспечивало значительное религиозное разнообразие региона.

Так, к 1917 г. здесь проживали представители свыше 50 этносов, примерно одна четвертая часть населения были не русские. Одних прибалтов в Сибири насчитывалось до 170 тысяч. Из них литовцев около 50 тысяч, около 70 тысяч – латышей, примерно 40 тысяч – эстонцев⁸.

В советский период насильственные миграционные потоки в Сибирь усилились. Помимо явных политических противников режима, ссылка сюда проводилась и по другим основаниям. Например, в 1929-1931 гг. по районам только нынешней Томской области было расселено свыше ста тысяч раскулаченных. С началом войны в Сибирь были направлены десятки тысяч депортированных из Прибалтики и Поволжья. В 1944-1945 гг. сюда были высланы калмыки, греки, армяне. Имела место депортация из западных областей Украины, Белоруссии, Молдавии.

Можно с полным основанием говорить, что на территории Западной Сибири встречались представители практически всех конфессий, имевшихся на территории страны. Такая ситуация была характерна как для досоветского, так и советского периодов истории.

Особенно многообразно было христианство. Русское православие было представлено приходами Русской православной церкви, находившихся в управлении Московского Патриархата. В XX веке численность православных верующих, их общин и молитвенных зданий была самой значительной. Это было характерно как для дореволюционного периода, что было естественно для господствовавшей церкви, так и, при всей трагичности истории, для советского. Так, накануне 1917 г. на территории Западной Сибири существовали три епархии. При этом в самой крупной из них – Томской – насчитывалось 1607 приходов. В состав Омской вхо-

дило 665 храмов РПЦ, Тобольской - 863⁹. Царское государство и руководство РПЦ считали эти внушительные цифры недостаточными для сибирских просторов с их значительной протяженностью от одного населенного пункта до другого. Власти отдавали отчет, что Сибирь – это место активной миссионерской работы протестантских и других церквей, поэтому прилагали усилия для оказания поддержки православным епархиям и священству. Тем не менее, многие специалисты отмечают, что выход из православия и обращение к другим конфессиям в Сибири наблюдались чаще, чем в других регионах империи. С жесточайшим кризисом столкнулась РПЦ после 1917 г., когда она не просто лишилась государственной поддержки, но и сама стала основным объектом преследования со стороны большевистского государства. Достаточно сказать, что к концу тридцатых годов на территории Западной Сибири осталась только одна действовавшая церковь Московской Патриархии. За этой цифрой – вся глубина трагедии РПЦ. Даже в 1940-е годы, когда государство разрешило возобновить деятельность отдельных храмов РПЦ, Сибирь была тем местом, где менее всего была численность возродившихся приходов. К середине 1950-х годов на территории 5 крупнейших областей страны и Алтайского края действовало всего 57 приходов Русской православной церкви, когда, скажем, в Курской области их было свыше 200.

Повсеместно в Сибири имелись приверженцы старообрядческой церкви, причем всех ее согласий и толков. До 1917 г. здесь проживало около 250 тысяч старообрядцев¹⁰. До революции в Сибири основную массу верующих не из РПЦ составляли именно старообрядцы. Многочисленные по составу и разнообразные по согласиям и толкам сторонники дониконианской веры действовали преимущественно в глухих селах. Возможно, это частично помогло им пережить большевистский террор, от которого они, тем не менее, жестоко пострадали, ибо старообрядческие организации были весьма последовательны в неприятии власти, упорно отстаивали свои традиции, бережно сохраняли элементы своей веры. Многие из этого выглядело в середине XX века совершеннейшей архаикой и вызывало особое раздражение властей. В 40-60-е годы на территории Новосибирской, Кемеровской, Томской областей и Алтайского края действовало всего две официально зарегистрированные церкви белокриницкого согласия – в Новосибирске и Томске. Но организаций этого направления старообрядчества было гораздо больше. Так, в Кемеровской области их было семь (в Таштаголе, Тайге, Сталинске, Кемерово, Ленинск-Кузнецке, Гурьевске, Падунском районе)¹¹. Традиционным местом проживания староверов был Горный Алтай. Крупная община белокриницкого согласия действовала в краевом центре - Бар-

науле. Она долго и настойчиво, правда безуспешно, хлопотала о регистрации и открытии молитвенного дома¹².

В послевоенные годы встречались последователи и более экзотических направлений старообрядчества, например, «дырники» на Алтае, пустынники, странники, часовенные, чашечники и другие. Локальные группы этих толков имелись в Томской области¹³.

В это же время в Западной Сибири фиксировалось наличие организаций таких направлений православия, как Истинно-православной церкви (ИПЦ), Истинно-православных христиан (ИПХ), а также, молокан, толстовцев, ионниатов. Известно, что люди этих исповеданий были всегда упорны в отрицании всех атрибутов советской государственности, за что и подвергались особому преследованию.

Наличие в Западной Сибири польской, немецкой и прибалтийских диаспор делало неизбежным существование католических организаций и групп. До революции здесь действовало несколько католических костелов, но в 20-30-е годы они были все закрыты. Тем не менее, католики имели свои общины, которые действовали явочным порядком. На Алтае католики проживали в Табунском, Благовещенском, Алейском, Ребрихинском районах, городе Славгороде¹⁴. Пожалуй, больше всего исповедников этой ветви христианства было в Томской области: в Кожевниковском, Чаинском, Колпашевском районах. Свыше тысячи верующих из числа литовцев и поляков насчитывалось в Томске, где была самая крупная в Западной Сибири община католической церкви. И самая боевая: в течение нескольких лет она требовала признания их существования законным и возвращения католического костела, отобранного в 1937 г.¹⁵.

Имелось несколько групп греко-католического исповедания, состоявших из бывших жителей Западной Украины и сосланных в Сибирь либо как оуновцы, либо после известных событий на Львовщине, связанных с насильственным присоединением к РПЦ общин униатской церкви. Понятно, что в Сибири оказались те из униатов, кто оказал сопротивление такому насильственному объединению.

Многочисленно и разнообразно было представлено протестантство: лютеранство, баптизм, адвентизм, иеговизм, меннонизм, пятидесятничество. Организации этих конфессий имелись во всех областях Сибири, при этом подавляющее большинство из них действовало в нелегальных условиях, поскольку не имели официальной регистрации.

В Западной Сибири имелись культурно-исторические и национально-этнические основания для распространения здесь мусульманской религии. Ислам исповедовали сибирские татары, башкиры, выходцы из Казахстана, Поволжья, Северного Кавказа. Несмотря на наличие достаточно большого количества исповедателей этой конфессии, офици-

ально зарегистрированных общин мусульман были единицы, равно как и действовавших мечетей. Они имелись в Новосибирске, Омске, Прокопьевске Кемеровской области. Буддизм исповедовали перемещенные в Сибирь калмыки. Имелись общины иудеев, в частности, в Новосибирске была действующая синагога. Коренные народы Западной Сибири: ханты, манси, ненцы, алтайцы и другие стойко поддерживали и воспроизводили свои традиционные, древние верования, включая шаманизм. Таким образом, вывод о разнообразно-насыщенной религиозной картине Западной Сибири можно считать совершенно очевидным.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что численная представленность верующих каждой из перечисленных деноминаций, а также их организаций была далеко неодинаковой. Количественные характеристики религиозной ситуации вообще крайне затруднены по причине отсутствия сколько-нибудь достоверных сведений на этот счет. Статистические данные подобного рода не фиксировались, социологических обследований практически не велось, а к имеющимся в них сведениям следует подходить осторожно. Проблема с определением численности верующих объясняется еще рядом факторов. Например, в некоторых конфессиях никогда не осуществлялся персональный учет членов. Это касается, в первую очередь, самой крупной церкви – РПЦ. Численность же так называемых сектантских организаций могла занижаться самими объединениями, чтобы вывести из-под удара часть своих членов, либо властями и уполномоченными. Последние не были заинтересованы в том, чтобы показывать большие цифры численности религиозных групп, поскольку, в противном случае, вышестоящими властными инстанциями их деятельность по борьбе с религией и церковью могла быть оценена как неэффективная, недостаточная. Кроме того, даже при наличии «агентурной сети», уполномоченным трудно было иметь точные цифры численности той или иной религиозной общины и группы, поскольку большая их часть официально не регистрировалась и, следовательно, они не должны были подавать списки своих членов в местные органы власти. Так, что значительная часть такого рода сведений составлялась «на глазок».

Следует помнить и о том, что в условиях преследований и дискриминации не все осмеливались демонстрировать свою религиозность, предпочитая, будучи верующими, не причислять себя к какой-либо организации. Обращает на себя внимание и факт, который тоже невозможно измерить количественно, но без упоминания о нем картина религиозной жизни в исследуемое время будет неполной. Речь идет о феномене бытовой религиозности: довольно массовом и повсеместном выполнении культовых обрядов и действий вне стен молитвенных домов, без руководства духовного лица, в том числе и людьми, внешне очень далекими от какой-либо религиозной веры. Ношение нательных крестиков, на-

личие икон в квартирах, широкие гуляния в дни религиозных праздников, распространение «святых» писем, апокалиптических слухов, крестные ходы, паломничество к «святым источникам» (таковые имелись в каждой области), постоянная востребованность в «самозванных» попах, муллах и тому подобное – во всем этом участвовали не только верующие, но и те, кто формально не относил себя к ним. Можно сказать, что это было стихийное проявление религиозности как бы на генетическом уровне.

Хотелось бы обратить внимание и на следующую особенность религиозной ситуации в регионе. Наличие широкого, разнообразного, повсеместного, конфессионального представительства при относительно низкой плотности населения Западной Сибири в послевоенные годы позволяет предполагать более высокую «концентрацию» верующих среди всех жителей региона.

Касательно географии распространения религиозных общин и групп, можно отметить следующее. Во всех западносибирских областях перечень конфессий и их организаций был примерно одинаковым, возможно за немногим исключением: традиционные верования аборигенных народов, большее количество меннонитов в Омской области и на Алтае, иеговистов в Томской области.

Численность верующих и количество их групп, а также разнообразное конфессиональное представительство преобладало в городах и крупных районных поселках. Например, в Барнауле имелись общины РПЦ, баптистов, адвентистов, старообрядцев, ионниатов, лютеран, пятидесятников. В Томске отмечалась деятельность адвентистов, истинно-православных христиан, иудеев, католиков, лютеран, меннонитов, мусульман, пятидесятников, старообрядцев, имелись две православных общины. В Новосибирске официально зарегистрированы были две православных церкви, синагога, мечеть, старообрядческая церковь, две общины ехб. В Кемеровской области на начало 60-х годов действовали группы и организации баптистов, пятидесятников, адвентистов, меннонитов, лютеран, католиков, субботствующих духовников, старообрядцев разных согласий, ионниатов, истинно-православных христиан, истинно-православной церкви, иеговистов, мусульман, иудеев, толстовцев, униатов, общины РПЦ, то есть семнадцать конфессий¹⁶.

В каждой области были районы, где религиозная активность была наиболее высока, в первую очередь, это областные и краевой центры. Кроме того, в Новосибирской области это были Бердск, Татарск, Купинский, Карасукский, Каргатский, Маслянинский, Сузунский, Черепановский районы. В Омской области наиболее велика религиозность была в Исилькульском, Щербакульском, Москаленском, Горьковском, Азовском, Люблинском, Тевризском, Усть-Таркском районах. Наибольшее

количество религиозных групп насчитывалось в Томском, Асиновском, Колпашевском, Кургасокском, Кожевниковском районах. В Тюменской области этим отличались Тобольский, Ишимский, Ялуторовский, Исетский, Упоровский районы. На Алтае наличие религиозных групп было зафиксировано в 14 районах и 9 городах и районных поселках, но более всего их действовало в Знаменском, Благовещенском, Славгородском, Рубцовском, Табунском, Михайловском, Волчихинском, Кулундинском районах, городе Бийске. В Кузбассе многообразно были представлены своими верующими различные конфессии в Новокузнецке, Ленинск-Кузнецке, Юрге, Анжеро-Судженске, Прокопьевске, Мариинске, Таштаголе, Яшкинском районе¹⁷.

Состав населения Западной Сибири, как уже отмечалось, увеличился и обновлялся за счет постоянного притока людей, выславшихся сюда из других частей страны. При этом происходил не только рост общей численности населения, но и количества верующих, расширение географии их проживания, а также существенно обогащалась этноконфессиональная составляющая. Так, на октябрь 1946 г. число так называемых спецпоселенцев здесь достигало 341 048 человек. Из них на Алтае проживало 35 381, в Кемеровской области – 129 423, в Томской – 83 276, в Новосибирской – 92 968 человек¹⁸.

Все эти люди были насильственно вырваны со своих родных мест, несправедливо и огульно обвинены, лишены крова, имущества, надежды, доверия. В местах нового проживания условия их существования были подчас невыносимыми. В такой ситуации религиозная вера для многих из них, по-видимому, была мощным, если не единственным, источником поддержания морального духа. Общая вера, богослужения на родном языке, другие культовые мероприятия выступали средством единения, сопереживания, сохранения контактов, давали возможность адаптироваться к внешней среде.

Можно в определенной, правда, мере ставить вопрос о национально-религиозной идентичности верующих: ислам – татары, казахи; старообрядчество – русские; иудаизм – только евреи; католицизм – поляки, литовцы; лютеранство, меннонизм – немцы; униаты – украинцы, хотя абсолютно жесткой привязки не было, за исключением иудаизма и меннонитства. Многие же конфессии вообще были интернациональны.

Соответственно, можно определенно говорить о значительном влиянии религиозного комплекса отдельных конфессий на семейно-бытовую организацию жизни верующих, тесное, иногда неразрывное, соединение таких начал. Особенно ярко это проявлялось в старообрядчестве, иудаизме, меннонизме, истинно-православном христианстве.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют в достаточной мере судить о характере межконфессиональных контактов.

Вместе с тем, можно предположить, даже утверждать, что в 1940-80-е гг. не наблюдалось резких столкновений между представителями различных вероисповеданий. Возможно, сохранялось традиционное недоверие и неприятие «иноверцев» на уровне обыденных представлений и высказываний, но «выяснения отношений» на межгрупповом, на уровне руководящих структур конфессий не было. Утверждение это строится на том, что в противном случае власти широко бы оглашали факты таких трений, дабы иметь лишний повод обвинять религиозные организации.

Видимо, в то время было не до выяснения догматических расхождений, претензий на «канонические территории», некую исключительность, большую традиционность, требований более льготных условий для осуществления вероисповедальной практики.

Религиозные организации разных направлений объединяла между собой общая неприязнь к ним со стороны советской власти, сложнейшие условия, вернее отсутствие таковых, для осуществления богослужebной деятельности, общее стремление как-то приспособиться, выжить и сохранить свою веру. В большей части религиозные организации с честью вышли из испытаний, выполнили одну из существенных своих задач: сохранить и донести до следующих поколений свои религиозные идеалы и ценности. Не случайно и сегодня Сибирь является тем геополитическим пространством, где разнообразнейшим образом представлены многочисленные религиозные конфессии нашей страны.

¹ Черная М. П. Роль христианизации в русской колонизации (XV11-X1X вв.) // Американский и сибирский фронтир. Томск: Изд-во Томск ун-та, 1997. – С.115-116.

² Костенко Н. Протестантские секты в Сибири. Новосибирск: Кн. изд-во, 1967. С. 19.

³ Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск: Запсибкрайиздат., 1930. С. 95.

⁴ Кутилова Л.А. Школа на родном языке как фактор сохранения этнической целостности в среде меннонитов-переселенцев в Сибири // Американский и сибирский фронтир. С.174.

⁵ Нам И.В. Формирование этнодисперсных групп в составе населения Сибири (X1X – начало XX в.) // Американский и сибирский фронтир. С. 182-184.

⁶ Там же.

⁷ Там же, С. 186.

⁸ Колоткин М. Балтийские диаспоры Сибири: социально-политический аспект (1917 – середина 1930-х гг.) // Автореф. дис. д.и.н. Томск, 1997. С. 23.

⁹ Данные взяты из канд. диссертации.: Коголь. Т.М. Русская православная церковь и государство 1917 – 1927 гг. (на материалах Западной Сибири). Томск, 1995. С. 177.

¹⁰ Долотов А. Указ. соч. С. 54.

¹¹ ГАКО. Ф. 964. Оп. 1. Д. 5, Л. 98,102; Д. 41. Л. 176; Д. 42. Л. 197.

¹² ЦХАФ АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 33. Л.1,48; Д. 36. Л. 1-15.

¹³ ГАТО. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 2578. Л. 16, 19.

¹⁴ ЦХАФ АК. Ф.1692. Оп. 1. Д. 37. Л. 19.

¹⁵ ГАТО. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-170.

¹⁶ ГАКО. Ф. 964. Оп. 1. Д. 47. Л. 10-11.

¹⁷ ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 58. Л. 6-8; ЦДННЮО. Ф. 17. Оп. 63. Д. 260. Л. 63-64; ГАТО. Ф.1786.Оп.1.Д. 236. Л. 1-2; ЦДННТЮО. Ф.124. Оп. 127. Д. 72. Л.12; ЦХАФ АК. Ф.1692. Оп.1. Д. 14. Л. 164; Д. 58. Л. 2; ГАКО. Ф. 964. Оп.1. Д.47. Л. 10-11.

¹⁸ Уйманов В. Массовые репрессии в Западной Сибири в конце 20-х – начале 50-х гг. // Автореф. дис. ... к.и.н. Томск, 1995. С. 16.